

ОТЦЫ-ПУСТЫННИКИ СМЕЮТСЯ

Книга подготовлена на основе издания:

Piero Gribaudi "Bons mots et fasceties des pres du desert", O.E.I.L., Paris.

Перевод с французского и обработка: о. Анри Мартен

В этой книжке собраны забавные, смешные, но вместе с тем и поучительные истории, высказывания монахов-пустынников, живших в эпоху раннего христианства.

Источник этих рассказов - святоотеческое предание.

ISBN 5-89208-004-8

ЧАСТЬ I

«Все пути человека чисты в его глазах...» (Притч 16, 2)

Некий мудрец века сего пришел к старцу. Увидев, что у того нет ничего, кроме Библии, он подарил ему свой собственный библейский комментарий. Через год он снова пришел к старцу и спросил:

- Отче, помогла ли тебе моя книга лучше понимать Библию?
- Напротив, - отвечал старец, - мне пришлось обращаться к Библии, чтобы понимать твою книгу.

Один молодой монах спросил у старца:

- Отче, должен ли я теперь полностью отречься от мира?
- Не беспокойся, - отвечал старец, - если твоя жизнь действительно будет христианской, мир немедленно сам от тебя отречется.

Один молодой монах мыл листья салата. К нему подошел другой монах и, желая испытать его, спросил:

- Можешь ли ты повторить, что говорил старец в проповеди сегодня утром?
- Я не помню, - признался молодой монах.
- Для чего же ты слушал проповедь, если ты уже ее не помнишь?
- Погляди, брат: вода моет салат, но не остается на его листьях. Салат, тем не менее, становится совершенно чистым.

Молодой монах прервал старца, читавшего свою проповедь с папирусного свитка:

- Отче, как ты хочешь, чтобы мы запомнили то, о чем ты проповедуешь? Ведь ты сам это читаешь, чтобы вспомнить.

Был в Александрии один епископ, который предпочитал учебу своему пастырскому служению. К нему пришел однажды некий старец за советом, но секретарь епископа ему сказал:

- Отче, прости, епископ не может тебя принять, он учится.
- Не очень-то приятно иметь епископа, не закончившего обучения, - отвечал старец.

К старцу пришли несколько отцов-пустынников и рассказали, что один из братьев слишком удалился на юг Скитской пустыни и был там съеден каннибалами. Старец, чтобы утешить их в скорби, заключил:

- По крайней мере, таким образом эти несчастные дикари впервые вкусили нечто от нашей святой религии.

Один брат, оставивший мир, чтобы укрыться в пустыне, получил от своей семьи следующее послание: «Не гоняйся за невозможным, возвращайся домой. Единственное подлинное благо - это семья».

На обратной стороне послания была, однако, приписка:

«Когда решишь возвращаться, предупреди нас заранее, потому что мы сдали твою комнату».

Некий мудрец века сего посетил однажды авву Зенона.

- Отче, - спросил он, - можешь ли ты сказать мне, что такое философ?
- Философ - это слепец, который ищет в темной комнате черную кошку, когда ее там нет, - отвечал старец.
- А кто же тогда богослов?
- Богослов это то же самое, но иногда он находит кошку...

Жил в Александрии один очень богатый человек, который каждый день молился Богу об облегчении жизни бедняков. Узнав об этом, авва Макарий послал ему сказать: «Я хотел бы обладать всем твоим состоянием».

Изумленный богач послал к нему одного из своих слуг спросить, что бы тот стал делать с таким богатством? Авва Макарий сказал:

- Передай своему хозяину, что я немедленно исполнил бы его молитву.

До того, как стать монахом, авва Лонгин работал в мастерской корзинщика. Каждый день он должен был сплести по пятнадцать корзин. Однажды, работая весьма усердно, он сплел целых двадцать корзин.

- Разве мне не полагается дополнительной платы за эти корзины? - спросил он хозяина.
- Да, - отвечал хозяин, - но ты ведь знаешь, что говорится в Библии: «В поте лица твоего будешь добывать хлеб свой».
- Нигде, однако, не говорится, что я должен также добывать и твой! - возразил Лонгин.

Авва Филимон обнаружил однажды, глядя на весело играющих на деревенской площади мальчишек, что весьма недалеко еще продвинулся по пути совершенства. Он спросил их:

- Во что вы играете?
- Мы играем, кто больше всех соврет.
- Ох, - сказал старец, - в мое время не играли в такие игры!
- Молодец, отче, ты выиграл! - закричали хором ребята.

Авва Иоанн говорил:

- Не то, что мы едим, нас питает, но то, что мы перевариваем. Не то, что мы зарабатываем, нас обогащает, но то, что мы раздаем. Не та вера, которую мы исповедуем, нас освящает, но та, которую мы воплощаем в жизнь.

Среди отцов-пустынников, как и повсюду, были братья, беспокоившиеся из-за своего здоровья. Один из них, по имени Диоскорид, имел обыкновение посещать каждую неделю авву Илию, который, будучи человеком терпеливым и склонным к сочувствию, каждый раз осведомлялся о его здоровье. Диоскорид неизменно жаловался:

- Мой желудок словно изъеден тысячью червей...

Или:

- У меня как будто облако в мозгу...

Или же:

- Кости мои стали хрупкими, как тростинки.

Авва Илия утешал его, призывая уповать на Господа.

В один прекрасный день Диоскорид исчез на целый месяц.

Авва Илия стал не на шутку беспокоиться. Когда наконец Диоскорид появился, авва Илия бросился к нему с расспросами:

- Брат, я так беспокоился о тебе! С тобой что-нибудь случилось?
- Ничего серьезного, - отвечал тот, - я болел.

Один из отцов-пустынников прославился своими советами, которые он давал мирянам. Некто пришел к нему за советом и рассказал, что у него есть буйный сын, которого он хотел бы лишить наследства, но не знает, как это сделать, не возбудив его гнева.

- Есть ли у твоего сына собака? - спросил его старец.

- Да.

- Так вот, скажи своему сыну, что ты лишишь его наследства, если он не сумеет за один год научить свою собаку читать.

Тот нашел совет превосходным, поблагодарил старца и удалился. Но наутро он вернулся с грустным видом.

- Что сказал твой сын? - спросил старец.

- Он сказал: «Хорошо, отец. Но за год много чего может случиться. Может быть, умру я, может быть, ты, но скорее всего - собака...»

Авва Илларион рассказывал такую историю о недоверии. Двум братьям из разных монастырей предстояло провести ночь в одной гостинице. Один из них, поглядев на своего собрата, отнес хозяину свой небольшой багаж и сказал ему:

- Спрячь это у себя, ибо мой собрат внушает мне мало доверия.

- Я положу это вместе с его вещами, - отвечал хозяин. - Он только что был здесь и сказал мне то же самое.

Авва Даниил славился своей мягкостью и милосердием к грешникам. Однажды, придя к больному выслушать исповедь, он увидел, что тот колеблется.

- Я не настаиваю, чтобы ты исповедался, - сказал старец. - Я не хочу, чтобы под влиянием страха ты принял поспешное решение. Засыпай спокойно, и если завтра утром проснешься, позови меня.

Несколько братьев, живших на краю Скитской пустыни, обнаружили однажды у себя корзину. В корзине плакал чернокожий младенец, который, несомненно, был подкинут эфиопским караваном, проходившим тут накануне. Растроганные таким непредвиденным подарком небес, братья стали усердно кормить и заботиться о младенце. Шло время. И вот как-то один из братьев, весьма озабоченный, сказал:

- Нужно, чтобы кто-нибудь из нас выучил эфиопский язык.

- Но почему? - воскликнули изумленные братья.

- Потому что скоро младенцу исполнится год, и он начнет говорить, а никто из нас не знает его языка.

Один из старцев Скитской пустыни страшно косил глазами. Однажды на узкой дорожке он толкнул брата, шедшего ему навстречу, и заметил ему:

- Тебе бы следовало лучше смотреть, куда ты идешь, брат.

- А тебе, отче, следовало бы лучше идти туда, куда ты смотришь.

Два брата шли по Скитской пустыне, рассуждая о гармоничности мира. Когда они оказались в оазисе, один из них заметил:

- Какие прекрасные цветы на этом дереве!

- Но это вовсе не цветы, это плоды, - возразил второй. - Это чернослив.

- Почему же тогда он белый, а не черный?

- Потому что он еще зеленый!

Пришедшему из пустыни было очень непросто проникнуть в Антиохию. В воротах стояли стражники и проверяли все товары, ввозимые в город. Однажды они остановили авву Серациона, когда он шел, везя тележку, покрытую попоной.

- Отче, что у тебя в тележке? - спросил его стражник.
- Моя собака, брат!
- Какая же это собака, отче, это коза! У нее рога...
- Не вмешивайся в частную жизнь моей собаки, брат!

Главным недостатком одного молодого монаха была рассеянность. И вот однажды старец решил послать его в Александрию:

- Ступай к аптекарю Эристу и скажи ему, чтобы он дал тебе один фунт памяти. Несколько дней спустя молодой монах вернулся с пустыми руками.
- Отче, - сказал он, - у аптекаря не осталось больше памяти, но он просил передать, что у него есть для тебя пуд терпения!

Некий старец, не имевший никакого имущества, решил как-то навестить одного брата.

- Друг, - обратился он к хозяину, - нет ли у тебя случайно какого-нибудь старого кувшинчика для вина?
- По-твоему, я похож на человека, пьющего вино? - сухо отвечал брат.
- Прости меня, но кувшинчик от укуса у тебя наверняка найдется...

Одному старцу каждый день приходилось взбираться на спину мула и ездить за водой от Скитов до горы Гизель. Как-то один послушник его спросил:

- Отче, от каждодневной езды на муле у тебя не болит голова?
- Как раз наоборот, брат, как раз наоборот!

Когда авва Виссарион решил отправиться в пустыню, группа молодых бездельников окружила его, насмехаясь:

- Куда ты бежишь, Виссарион? Разве ты не знаешь, что дьявол умер?
- Примите мои соболезнования, бедные сиротки, - отвечал им святой старец.

Двое братьев, путешествуя по пустыне, воспользовались гостеприимством одной очень щедрой семьи. Не желая показаться невежливыми, они не смогли отказаться от стаканчика вина. Выйдя снова на дорогу, один из них сказал другому:

- Я пройду вперед, брат, а ты скажи мне, прямо ли я иду.
- Он прошел полсотни шагов и обернулся. Другой брат сказал ему:
- Да, ты идешь прямо, но скажи-ка, что это за брат идет рядом с тобой?

- Если ты ничего не видишь, для чего ты держишь возле себя зажженную лампу? - спрашивали братья одного слепого старца, сидевшего на краю дороги.
- Чтобы прохожие не натыкались на меня ночью, - отвечал старец.

Однажды епископ посетил монастырь в пустыне. Братья, жившие там только на хлебе и воде, лезли из кожи вон, чтобы приготовить для епископа подобающую трапезу.

В конце обеда, трепеща, они спросили его:

- Владыка, как ты нашел нашу козлятину?
- Случайно, под листиком салата, - отвечал епископ.

В одной деревне разнеслась весть, что в соседнем большом монастыре сменился настоятель. Тут же явился к воротам монастыря какой-то бедняк в лохмотьях и, заметив настоятеля, подошел к нему.

- Отче, - сказал он, - я хорошо знал прежнего настоятеля, который был очень щедр ко мне. Надеюсь, что и ты тоже будешь щедрым...
- Разумеется, брат; но, видишь ли, старый настоятель - это я, а новый явится дней через десять...

Авва Евлогий был однажды так грустен, что не мог этого скрыть.

- Почему ты грустишь, отче? - спросил его один старец.

- Потому что я усомнился в способности братьев познавать великие истины Божий.

Трижды я показывал им льняной лоскуток с нарисованной на нем красной точкой и спрашивал, что они видят, и трижды они отвечали: «маленькую красную точку». И никто не сказал: «лоскуток льна».

ЧАСТЬ II

«У мудрого глаза его - в голове его...» (Екк 2, 14)

Один недобрый человек пришел как-то донимать старца своими глупыми вопросами:

- Неужто и вправду ты, такой умный человек, считаешь возможным, чтобы Иона выжил, проведя три дня в чреве кита?

- Не знаю, - отвечал старец, - но я его спрошу, когда увижусь с ним в раю.

- А вдруг он в аду?

- Тогда ты сам его спросишь.

На пороге церкви одного монастыря сидел бедный человек, просивший милостыню.

- Не стыдно ли тебе? - крикнул на него настоятель. - Месяц назад ты был слепым, а сегодня уже однорукый!

- Не гневайся, отче, но лучше радуйся. Я и вправду обрел зрение и так разволновался из-за этого, что у меня отпала рука.

Авва Герасий соглашался один раз в год ходить в Антиохию на проповедь. Послушать его собиралось великое множество народа. Один из братьев как-то спросил его:

- Отче, не искушает ли тебя суетная слава при виде такого множества народа вокруг тебя?

- Нет, брат, - отвечал Герасий, - я думаю, что если бы меня казнили, народа собралось бы еще больше...

Многие отцы-пустынники прожили долго, иные даже больше ста лет. Авва Исайя был одним из таких отцов. В день его столетия один брат, намного его моложе, пришел к нему и сказал:

- Я пришел поздравить тебя, отче, с твоим столетним юбилеем, и я надеюсь, на будущий год мы справим вместе твой сто первый юбилей.

- Я тоже на это надеюсь, - отвечал старец, - ибо, как я погляжу, здоровье у тебя превосходное.

Один брат, вернувшись в свою келью, нашел ее в полнейшем беспорядке. Он готов был уже проклясть виновника такой беды, как вдруг прикусил язык. Он вспомнил слова старца: «Прокляни человека, и будет две могилы».

Авва Исаия сказал: «Если Церкви недостает мужества отстаивать свои взгляды, то это не из-за недостатка мужества, но из-за недостатка взглядов».

Однажды Теревинфский монастырь посетил епископ. Братья лезли из кожи вон, чтобы почтить его и приготовить необычайную трапезу. В конце настоятель с трепетом спросил епископа, как ему понравился обед, и тот отвечал:

- Если бы рыба не была такой же черствой, как лепешка, лепешка такую же соленой, как козлятина, козлятина такой же жесткой, как финики, а финики такими же пресными, как вино, мы бы славно отобедали.

Авва Макарий и авва Виссарион обменивались как-то мнениями об одном монахе.

- Я никогда не слышал, чтобы он плохо говорил о ком-либо, - сказал первый.

- Это, несомненно, оттого, - возразил второй, - что говорит он только о себе.

Однажды в Скитской пустыне случилось неслыханное - дождь лил целых три дня подряд. Молодой монах, испугавшись, спросил у старца:

- Отче, а вдруг это новый потоп?

- Не может быть, - отвечал старец, - ибо бесплодность первого убедила Бога не насыпать второй.

Один из отцов пригласил как-то своего собрата разделить с ним хлеб-соль. Видя, что сей последний ест как-то рассеянно, он доброжелательно заметил:

- Брат, если ты ешь без охоты, то не станешь ли ты также без охоты делать и более важные вещи?

В одном монастыре, расположенном на берегу Красного моря, настоятель как-то сказал:

- В нашем монастыре слишком много попугаев.

Братья весьма удивились и попросили у настоятеля разъяснений.

- Много у нас таких, которые говорят, что думают, только когда узнают, что это говорят другие, - отвечал тот.

В одном монастыре настоятель во время собрания братии заснул.

- Умолкнем, братья, - сказали монахи, - дадим поспать настоятелю.

Но тот, подняв голову, сказал:

- Как же мне спать, братья, если вы не будете говорить?

Один брат, посетив авву Евлогия, сперва поздравил его с тем, что тот соблюдал обет молчания уже в течение трех лет. Затем он обязал его говорить, и авва Евлогий произнес:

- Мое молчание немногого стоит. Да, действительно, младенцы кричат, мирские люди болтают, монахи молчат, но святые - поют!

Молодой человек, недавно поступивший в монастырь, увидел как-то настоятеля, который, склонившись на пороге кельи, чистил свои башмаки.

- Отче, - сказал он, - ты чистишь свои башмаки?

- С тех пор, как я настоятель, я не могу чистить чужие, - отвечал тот.

Один из отцов как-то поведал старцу:

- Порой меня терзают сомнения при мысли о том, чем занимался Ной в ковчеге, плавая по безбрежному морю?

- Несомненно, он удил рыбу.

- То-то и оно! А как он это делал, если червячков у него была всего одна пара?

Авва Исаия жил в крайней бедности. После его смерти один из братьев спросил старца:

- От чего он умер? Тот отвечал:

- Я не знаю, от чего он умер, но еще меньше - отчего он жил.

Один старец сказал: «Наихудший момент для безбожника - это когда он чувствует себя преисполненным благодарности, но не знает, кого благодарить».

Блаженный Даниил Скитский, который в юности долго сомневался, предаться наукам или же Господу, убежал в пустыню в день, когда услышал из уст знаменитого ученого Александрийской школы такое рассуждение:

- От тепла тела расширяются; вот почему летом дни длиннее, чем зимой.

Трое старцев встретились после долгой разлуки. Они были уже весьма преклонного возраста, и среди прочего заговорили о своем здоровье.

- У меня выпали все зубы, - сказал первый из них. - Мне приходится вымачивать хлеб в воде, чтобы проглотить хоть несколько кусочков.

- А мне не хватает слюны, - сказал второй. - Что бы я ни ел, мне приходится класть на язык крупинку соли.

- А я не жалуясь на отсутствие ни зубов, ни слюны, - сказал третий. - Но вот сегодня утром мой келейник сказал мне: «Отче, еще и полдень не наступил, а ты съел уже три огромных караваев хлеба!» Поистине, память меня покинула.

Один старец сказал: «Всевышний дал нам двое ушей и только один рот для того, чтобы мы говорили вдвое меньше, чем слушаем».

Один разбойник был смертельно ранен в какой-то стычке. Из последних сил он приполз к келье отшельника и простонал:

- Отче, я испытываю адские мучения!

- Как, уже? - воскликнул отшельник.

Один игумен пришел к старцу за советом:

- Отче, какой должна быть проповедь?

- Проповедь, - отвечал старец, - должна иметь хорошее начало и хороший конец. А затем тебе следует как можно больше сблизить их друг с другом.

Один старец, глядя на собаку, подумал: «У собаки так много друзей потому, что она гораздо чаще машет хвостом, чем языком».

Говоря об Адаме, один старец сказал: «Адам оказался первым из длинной череды мужей, жалующихся на пищу, полученную от жены».

В одном монастыре старец толковал Писание. Вдруг он заметил, что один из братьев спит.

- Я продолжу, когда этот брат проснется, - сказал он. Но один из монахов возразил:

- Я думаю, что брат проснется, когда ты закончишь...

ЧАСТЬ III

«Добрый приобретает благоволение...» (Притч 12, 2)

Один старец говорил так: «Если вы будете давать больным и братьям все, что они попросят, у вас будут хорошие больные и плохие братья».

Не раз отцам-пустынникам приходилось иметь дело с кочевыми племенами. Один из вождей такого племени пришел как-то к авве Исаии и заявил, что он желает стать христианином.

- Ты наполняешь радостью мое сердце, - сказал ему старец. - Но у тебя две жены. Нужно, чтобы ты отказался от одной из них.

- Я так и сделаю, если ты, отче, укажешь мне хотя бы одно место в Писании, где осуждается двоеженство.

- «Никто не может служить двум господам», - отвечал ему старец.

Авва Моисей, обходя пустыню, столкнулся с кочевым племенем, которое справляло пышные похороны. Посреди стойбища, на огромном костре лежало тело вождя племени в богатых одеждах.

- Какой веры был ваш вождь? - спросил старец.

- Увы, - отвечали ему, - он был неверующим.

- Поистине великое несчастье, - сказал тогда авва Моисей, - быть так роскошно одетым и не иметь, куда пойти!

Двое отцов повстречались как-то посреди пустыни. Поклонившись друг другу, один из них спросил другого:

- Прости мою нескромность, брат, не жил ли ты какое-то время в Антиохии?

- Я никогда не бывал в Антиохии, - отвечал тот.

- И я тоже; должно быть, это были двое других монахов.

Однажды авва Пресонций получил урок. Когда он стоял на молитве в своей келье, кто-то постучал в дверь его хижины:

- Прости меня, авва, - сказал прохожий. - Не можешь ли ты указать мне дорогу в Алеппо?

- Нет, - отвечал авва, - но я знаю дорогу в Небо.

- Как я могу поверить, что кто-то знает дорогу, ведущую так далеко, если он не знает дороги в окрестностях? - сказал тогда путник.

Авва Сысой сказал по поводу александрийских богословов:

«Если бы Господь Бог поручил составить десять заповедей богословам, у нас было бы не десять заповедей, а тысяча».

Великий Пахомий диктовал свой Устав молодому монаху-писцу. В конце главы он велел ему перечитать написанное и едва сдержал вспышку гнева.

- Авва, почему ты вдруг сделался таким суровым? - спросил его молодой монах.

- Потому что я продиктовал тебе одно, ты понял другое, а написал третье, - отвечал старец.

Жарким августовским днем камни в Нитрийской пустыне просто плавилась от солнца.

Один монах с трудом шел через песчаные холмы, ведя за собой осла, запряженного в повозку. Наконец, обессиленный, он остановился.

- Я еще никогда в жизни не видывал такой жары, - произнес он вслух.

- И я тоже, - проговорил осел.

- Вот те на! - воскликнул монах. - Впервые слышу, чтобы осел разговаривал!

- И я тоже, - сказала повозка.

Один старец сказал: «Тот, кто тебя оскорбил, вряд ли тебя простит».

Другой сказал:

«Если ты отвергаешь похвалу, то это, возможно, потому, что ты желаешь двойной».

- Ты совсем теряешь память, - сказал один монах старцу.

- Ну да, - отвечал тот, - и притом так основательно, что получаю от этого даже немалую пользу: много раз я радуюсь одному и тому же, словно впервые.

Один монах спросил авву Аммония, почему это люди века сего так много суетятся. Старец отвечал:

- Они бегают по миру вдоль и поперек из страха, как бы не пришлось встретиться с ним лицом к лицу.

Мудрость древних египетских монахов проистекала скорее от их постоянного контакта с землей, чем от ученых занятий или образованности. Среди редких исключений был Арсений. Но даже он на склоне лет признался как-то одному старцу:

- Много трудов я положил, читая книги. Но то, что я в них нашел, не так уж много стоит...
- Что ж, многие отправляются удить форель, но домой приносят только ревматизм, - заметил на это старец.

Один монах пришел к Элию Отшельнику и сказал ему:

- В миру я встретил человека, который был о себе очень хорошего мнения.
- Будь уверен, - отвечал ему Элий, - что когда у кого-то о себе очень хорошее мнение, то это единственное хорошее мнение, которое у него есть.

Молодой монах пришел за советом к авве Моисею.

- Отче, - сказал он, - я понимаю, как можно согрешить руками, глазами, устами или ушами. Но как можно согрешить носом?
- Если совать его в чужие дела, - отвечал старец.

Молодой монах пришел к старцу за советом.

- Отче, - сказал он, - я живу в пустыне чуть больше года, и за это время уже пять или шесть раз появлялась саранча. Ты знаешь, что это за напасть - она проникает всюду, даже и в нашу пищу. Что же мне делать?

Старец, который жил в пустыне уже на протяжении сорока лет, отвечал:

- Когда саранча попала мне в похлебку в первый раз, я все вылил. Затем, во второй раз, я выбросил саранчу, а похлебку съел. В третий раз я съел все, и похлебку, и саранчу. А теперь, если саранча пытается выбраться из моей похлебки, я отправляю ее обратно.

Авва Авраам, старец, исполненный кротости и заботливости, был очень любим ребятишками из соседней деревни. Часто они собирались перед его хижиной, ожидая, когда старец выйдет и расскажет им что-нибудь о красоте творения. В один из таких дней старец долго рассказывал детям о Боге, а под конец задал им несколько вопросов:

- Скажи мне, Даниил, кто такой Бог?
- Бог - это наш Творец.
- Ты хорошо ответил. А ты, Макарий, что ты скажешь, кто такой Бог?
- Бог - это мой Отец.
- Очень хороший ответ. Ну, а ты что скажешь, Гелазий?
- Бог - это отец Макария.

Отцы-пустынники относились к женщинам с предубеждением, но было бы преувеличением сказать, что они были полные женоненавистники. Их духовная уравновешенность удерживала их от всякого рода крайностей. Авва Филатерий однажды сказал:

- Женщины догадываются обо всем и ошибаются только тогда, когда думают.

Один тучный бедуин пришел однажды к авве Сысою.

- Отче, - сказал он, - дай совет, как мне похудеть?

- Вообще-то я не даю таких советов, - возразил старец. - Попробуй подольше ездить на верблюде. Может быть, это тебе поможет...

Через некоторое время авва Сысой снова встретился с этим бедуином и спросил его, как дела.

- Прекрасно, - отвечал бедуин. - За две недели мой верблюд похудел на сорок фунтов.

Как-то раз один из братьев спросил игумена:

- Должны ли мы остерегаться даже пожилых женщин?

- Пожилые женщины, - отвечал старец, - как розовый куст. Розы опали, но шипы остались.

Один молодой человек желал поступить в монастырь Эннатон. Старец стал его расспрашивать, желая испытать, насколько серьезно тот решил оставить мир.

- Если бы у тебя было три золотые монеты, отдал бы ты их нищему?

- От всего сердца, отче!

- А три серебряных монеты?

- Охотно!

- А если бы у тебя было три медных монетки?

- Нет, отче.

- Почему же? - воскликнул старец в изумлении.

- Потому что у меня действительно есть три медных монетки.

Как известно, большинство египетских монахов были выходцами из крестьян. Однажды один из них пришел к старцу.

- Отче, - сказал он, - у меня возникли сомнения в истинности Евангелия.

- Как же они у тебя возникли? - спросил старец.

- Когда я читал Евангелие от Луки 14, 18. Там сказано, что один землевладелец, когда его приглашали на брачный пир, отказался, говоря: «Я купил землю, и мне нужно пойти, посмотреть ее».

- Ну, и что же?

- Не может быть, чтобы кто-то купил землю, не посмотрев ее заранее!

Рассказывают, что братьям Тимофею и Павлу в Скитской пустыне было поручено стричь монахов, и работы у них было много. Однажды к ним пришел старец, который десять лет до того не брился и не стригся. Брат Павел в этот день был несколько утомлен из-за долгого поста. В результате в конце стрижки и бритья у старца было три пореза: на подбородке, на щеке и на голове.

- Отче, - спросил его брат Павел, - ты у меня уже бывал?

- Нет, уверяю тебя, - отвечал старец. - Ухо мне отрезали разбойники в пустыне.

Авва Афанасий был при смерти. Врачу, который уверял его, что у него нет ничего серьезного, он сказал:

- Какая удача! Значит, я умираю в добром здравии.

Когда авве Феофилу было сорок лет, его спросили:

- Отче, сколько лет было великому Иоанну, когда он умер?

- Он умер в обычном старческом возрасте, - отвечал Феофил, - то есть шестидесяти лет.

Когда же авве Феофилу исполнилось шестьдесят, его снова спросили, в каком возрасте умер великий Иоанн.

- В обычном старческом возрасте, - отвечал Феофил, - то есть восьмидесяти лет.

Двое братьев жили в одной келье долгие годы в полном согласии. Однажды один из них сказал:

- Что, если нам поспорить немного, как все люди?
- Но я не знаю, как нужно спорить... - отвечал второй.
- А вот как: я положу между нами кирпич и скажу: «Это мой кирпич». А ты ответишь: «Нет, он не твой, он мой». Все споры всегда так начинаются.

Они положили между собой кирпич, и первый начал:

- Это мой.

Но второй отвечал:

- Если он твой, бери его и иди с миром.

Так им и не удалось поспорить.

Один из братьев спросил как-то старца:

- Что доподлинно означает: «Не произноси имени Господа Бога твоего всуе»?
- Это значит, что нельзя кощунствовать попусту, - отвечал старец.

Один старец заметил: «Все в жизни происходит так: когда вы становитесь достаточно большим, чтобы дотянуться до горшочка с медом, вам этого уже не хочется».

ЧАСТЬ IV

«Добродетельная жена - венец для мужа своего...» (Притч 12, 4)

Один старец сказал: «Добродетельные женщины безутешны по поводу ошибок, которых они не совершали».

Один старец сказал: «Годы, на которые женщина убавляет свой возраст, не пропадают, потому что она прибавляет их к возрасту других».

Один старец сказал: «Женщина говорит с одним мужчиной, смотрит на другого, а думает о третьем».

Один монах сказал:

- Женщина есть существо поверхностное.
- Это так, - ответил старец, - но нет ничего более бездонного, чем поверхностность женщины.

- Ты слишком суров к нашим невестам, - упрекнул как-то старца один мирской человек. - Все они превосходные девушки.

- Если все они превосходные девушки, - отвечал старец, - то откуда же берутся ваши сварливые жены?

Однажды в келью старца проник вор. Когда он шарил там в темноте, он услышал голос:

- Друг, почему ты ищешь в темноте то, что не нашел бы и при свете?

Один молодой человек увидел как-то плачущую у колодца женщину. Он поспешил рассказать об этом старцу, но тот предостерег его:

- Когда у женщины глаза покрыты слезами, видеть ясно перестает мужчина.

Один монах сказал старцу:

- Я хранил полное молчание в течение семи лет.
- А я, - сказал старец, - соблюдал полный пост в течение семисот дней.

- Отче, но это невозможно!
- Почему же ты, брат, не позволяешь мне поститься на протяжении семисот дней, если я позволяю тебе хранить молчание на протяжении хоть семи с половиной лет?

Один александрийский торговец часто докучал авве Даниилу пустыми разговорами. Однажды он спросил:

- Отче, не посетишь ли ты меня в Александрии?

И услышал в ответ:

- Видишь ли, сын мой, ты, посещая кого-либо, выигрываешь время, я же его теряю.

Один старец, осаждаемый демоном уныния, сказал другому:

- Как тяжело стариться!
- Между тем, - отвечал тот, - это единственный способ прожить долго.

- Тебе бы следовало поменьше поститься, - сказали одному старцу.
- Да, но я прекрасно себя чувствую, - возразил тот, - а ведь мне уже восемьдесят лет!
- А вот если бы ты постился поменьше, тебе бы уже было девяносто!..

Один старец сказал: «Безмолвие - одно из самых драгоценных украшений женщины. Вот почему она так редко выставляет его напоказ».

Один старец сказал: «Обыкновенно ошибается тот, кто стремится никогда не совершать никаких ошибок».

Один старец провел долгие годы в духовном борении, и вот однажды у него вырвались слова:

- Господи, если Ты повсюду, как получается, что я так часто оказываюсь где-то еще?

Как-то в келью к старцу явился человек с запиской: «Отче, похоже, кое-кто хочет отправить моего мужа в лечебницу, поэтому я посылаю его к тебе...»

- Я знаю, что некоторые братья говорят обо мне плохо, - сказал один монах старцу.
- Утешайся мыслью, что люди говорят хотя бы у тебя за спиной то, что они действительно о тебе думают, - отвечал ему старец.

Один монах ходил повсюду, утверждая, что нет никого хуже него. Авва Димитрий тогда заметил:

- Этому брату вовсе незачем так умалиться, не настолько он велик.

- Правда ли, - спросили однажды старца, - что авва Серапион не хочет больше жить с тобою в одной келье?

- Правда, - отвечал тот, - и я очень этому рад. Захотели бы вы жить вместе с монахом, который постоянно болтает и жалуется?

- Конечно, нет!

- Вот и авва Серапион не захотел.

Когда авва Диогнет заболел, некоторые братья пригласили к нему врача. Узнав об этом, он сказал: «Самое худшее не болеть, а претерпевать заботу».

- Я пойду за советом к авве Поэмену, - сказал как-то один монах старцу.

- Помни, - отвечал тот, - что спрашивать совета почти всегда значит требовать от других, чтобы они были нашего мнения.

Авва Варсанофий сказал: «Чем менее умен священник, тем мирянин ему кажется глупее». По поводу же александрийских священников, чье поведение оставляло желать лучшего, авва Поэмен сказал: «Многим священникам следовало бы пойти в пустыню, чтобы принять имя "человек"».

Один монах, тяжело согрешивший, пришел к старцу:

- Я не вижу, как я могу испросить у Бога прощения за столь тяжкий грех, - сказал он.
- Сможешь, - отвечал старец. - Ведь Бог гораздо более смиренный, чем мы, люди.

- Отче, - сказал однажды старцу молодой монах, - мне кажется, что авва Кассиан страдает подозрительностью.

- Так и есть, - отвечал старец, - но это добрая подозрительность, ибо он по сто раз на дню прощает тебе ошибки, которых ты и не думал совершать.

«Добродетель находится точно посередине», - сказал диавол, усаживаясь между двух старцев, которые судили брата.

В одном монастыре молодой монах во время трапезы заметил у себя в тарелке саранчу.

- Смени мне ее, - попросил он брата-повара.
- Попробую, - отвечал тот, - но в это время года саранча - редкость.

Одному могущественному человеку в Антиохии, который мог вызывать дождь и ведро, старец сказал: «Ты можешь стать еще могущественнее, но ты никогда не сможешь усесться выше собственного зада».

Один старец сказал: «Существуют болезни, которые незачем лечить, ибо только они способны предохранить от других, гораздо худших».

Один александрийский епископ, не привыкший к суровостям монашеской жизни, был как-то вынужден провести ночь в монастыре Эннатон. Перед тем, как растянуться на убогом ложе в отведенной ему келье, он заметил на полу трех клопов. Епископ позвал одного из братьев и сказал ему:

- Ты видишь?

- Не тревожься, владыко, - отвечал тот, - ведь это всего лишь клопы. И потом, погляди, они мертвы...

Поднявшись спозаранку, епископ при виде того брата сказал:

- Три вчерашних клопа действительно были мертвы, но что за толпа собралась на их похороны!

На могиле одного старца была надпись: «Здесь покоится в мире авва Исидор. Тело его погребено в Александрии».

ЧАСТЬ V

«... благоразумные увенчаются знанием» (Притч 14, 18)

- Отче, я начинаю стареть, - вздохнул как-то один брат.

- Если ты хочешь научиться стареть, - отвечал ему старец, - обращай внимание не на то, чего нас лишает старость, а на то, что она нам оставляет.

Авва Исарий как-то заметил: «Для того, кто верует, нет вопросов, а для того, кто не верует, нет ответов».

Молодой монах, не выдержавший суровой жизни пустынника, вернулся в Александрию и бросился в первую попавшуюся таверну.

- Стакан вина до начала дискуссии!

Выпив его залпом, он потребовал снова:

- Хозяин, еще стакан до начала дискуссии!

И еще:

- Весь кувшин до начала дискуссии!

Хозяин, ничего не подозревая, спросил:

- О какой дискуссии ты говоришь, брат?

- О той, которая сейчас начнется, когда я скажу тебе, что у меня нет ни гроша!

Один старец сказал: «Тот, кто думает, что имея деньги, можно сделать все, сделает все, чтобы их иметь».

Один монах спросил как-то старца:

- Отче, я никак не могу взять в толк, какая разница между всеожжением и жертвой?

- Я отвечу тебе небольшой притчей, - сказал старец. - Однажды свинья и курица прогуливались вместе по двору фермы. Проходя мимо дверей кухни, курица заметила: «Судя по запаху, там жарят яичницу с ветчиной. Как видишь, у нас с тобой одна судьба».

- Не совсем так, - отвечала свинья. - Для тебя речь идет лишь о пожертвовании, тогда как для меня - о подлинном всеожжении.

Один человек сказал великому Антонию:

- Ты самый великий монах на всем Востоке!

- Дьявол мне это уже говорил, - отвечал Антоний.

Один молодой монах спросил авву Филарета:

- Почему ты позволяешь этому брату так долго говорить с тобой?

- Я забочусь о его здоровье. Ведь если болтун не найдет в день хотя бы одного собеседника, он задохнется.

- Отче, - спросил один молодой монах, - почему Церковь называет святым пребывание в браке?

- Потому что в нем насчитывается немалое число мучеников! - отвечал с улыбкой старец.

Монаху, который сокрушался о прошлом, старец сказал: «Прошлое подобно разбитому яйцу, а будущее - яйцу, которое предстоит высидеть».

Молодому монаху, который, вернувшись из Александрии, говорил о великой суете и беготне жителей города, старец сказал: «Я не знаю, куда они в конце концов придут, но идут они прямо туда».

- Отче, почему ты всегда так молчалив? - спросил молодой монах авву Серапиона.

- Прежде всего из-за внутренней дисциплины, - отвечал старец. - К тому же, и без этого слишком много людей, которые говорят и говорят, не находя при этом, что сказать.

Один игумен произнес как-то довольно долгую проповедь о творении, которую завершил словами: «Каждый росток травы есть проповедь для того, кто умеет понимать».

Несколько дней спустя старец, проходя перед его хижинкой, увидел, что игумен подстригает выросшую вокруг траву.

- Как приятно видеть тебя за укорачиванием твоих проповедей! - сказал он.

Один старец сообщил как-то своим собратьям следующую весть: «Вчера авва Агафон зажег огонь и внезапно угас».

Старец показывает послушнику его будущую келью.

- В этой келье, - говорит он, - жили знаменитые отцы Памбо, Сысой, Архинт, Деодат, Климент и Просдоцим.

- Не может быть! - воскликнул изумленный послушник. - Столько отцов жило в такой маленькой келье!

Один старец из Скитской пустыни имел дар пророчества, и много людей приходило к нему. Но вот однажды он заперся в своей келье, не желая больше никого видеть, и стал проводить свои дни в полном молчании. Через год и один день авва Исарий спросил его:

- Брат, почему ты решил перестать пророчествовать?

- Потому что я понял, что для того, чтобы быть пророком, достаточно быть пессимистом, - отвечал старец.

Один монах был недоволен монастырским верблюдом. Старец ему сказал:

- Хоть он и ленив, но, тем не менее, работает целую неделю и ничего не пьет. А сколько людей на свете пьют и потом целую неделю не работают!

Один старец как-то возмущался:

- Не понимаю, зачем в монастыре расписание, если монахи все время опаздывают?

Игумен ему ответил:

- А как бы ты узнал, что монахи опаздывают, если бы не было расписания?

Однажды монастырь аввы Виссариона, чья душевная деликатность была широко известна, посетил епископ. Старец, желая почтить епископа, немного склонного к чревоутодию, постарался приготовить для него достойную трапезу. Но когда епископ ему сказал:

- Авва, надеюсь, ты не стал убивать кошку, чтобы приготовить этого зайца? - старец не смог удержаться и ответил:

- Нет, владыко, я воспользовался уже дохлой.

- Знаешь ли ты, брат, как называется животное, у которого множество ног, зеленые глаза и желтая спинка с черными полосками?

- Нет, я не знаю, брат, но оно как раз ползет тебе за шиворот...

Один старец сказал: «Обманываться самому и не замечать этого настолько же легко, насколько трудно обманывать других так, чтобы они этого не заметили».

На могиле одного старца поместили следующую надпись: «Здесь покоится в мире авва Серафим, умерший от того, что его лягнул осел. Братия до сих пор испытывает боль».

Один старец сказал: «Работа для монаха есть нечто доброе. Вот почему он должен всегда оставлять немного на завтра».

- Брат, где в этой местности наилучшая гостиница? - спросил путник у старца, сидевшего на пороге своей хижинки.

- Их тут две, брат, - отвечал старец. - Но в какую бы из них ты ни попал, ты пожалеешь, что не попал в другую.

- Где мне найти авву Стациана? - спросил как-то путник у монаха из Келий.

- Он в свинарнике. Ты его узнаешь по шляпе на голове.

Старец в гостях у собрата спрашивает его:

- Отче, у тебя то же вино, что и в прошлый раз?

- Да, брат, то же самое, то же самое...

- Дай мне тогда стакан воды.

Авву Арсения спросили:

- Брат, почему ты стал отшельником? Человек не может жить без себе подобных...

- Но вместе с ними он тоже не может жить, потому что в конце концов для него становится невыносимым, что кто-то ему подобен.

В одном монастыре на берегу Красного моря во время трапезы вспыхнула оживленная дискуссия. Наконец один старец сказал:

- Умолкнем, братия. Невозможно понять, что мы едим.

Один молодой брат пришел к старцу и сказал ему:

- Отче, прошу тебя, найди мне череп, чтобы размышлять, глядя на него, о краткости сей жизни. Я думаю, что таким образом мне будет легче сосредоточиться в молитве...

Старец обещал ему это, но, придавая мало значения такого рода вещам, он принес не один череп, а два.

- Отче, а почему два черепа? - изумился молодой монах.

- Чтобы удвоить твоё рвение! - отвечал старец. - Гляди, брат, это два черепа великого

Афанасия: один когда он был молод, а второй - на склоне лет.

ЧАСТЬ VI

«Путь глупого прямой в его глазах...» (Притч 12, 15)

Суетность человека такова, - говорил один старец, - что даже когда он убивает, больше всего он грустит о том, что об этом никто не узнает».

Авва Филимон сказал: «Те философы, которые верят в абсолютную логику, никогда не пробовали спорить с женщиной».

Один старец сказал: Нужно убить гордыню, не ранив. Если ее ранить, она не умирает».

Один старец сказал: «Как много людей не умеют терять свое время в одиночку!»

Авва Виссарион сказал об одном александрийском вельможе: «Он выдает все, кроме своих собственных чувств».

Один старец как-то сказал: «Если монах говорит о себе: "У меня есть смирение", - несомненно, его у него нет. Если же он говорит: "У меня нет смирения", - то оно у него есть. Вот я, например, вовсе не имею смирения».

Один молодой человек пожелал стать монахом. Он явился в Скитскую пустыню в один из самых бедных и суровых монастырей, и старец повел его показывать келью.

- Тебе придется сделать себе ложе, - сказал старец.
- Разумеется, отче.
- Что ж, вот тебе гвозди и четыре доски.

В Келиях молодой монах колол дрова. Проходивший мимо старец посмотрел на него и сказал:

- Твой топор напоминает мне молнию, брат.
- Это потому, что я машу им так быстро? - спросил довольный монах.
- Нет, потому что он никогда не бьет дважды в одно и то же место.

Старец чинил крышу своей хижины. Проходивший мимо молодой монах остановился и стал смотреть.

- Ты хочешь узнать, как забивают гвозди? - спросил старец.
- Нет, я хочу узнать, что говорит старец, когда бьет себя молотком по пальцу.

Одного кочевника застали за разграблением могил на кладбище и привели к авве Сысою.

- Неужели же тебе не стыдно обкрадывать мертвых? - спросил его старец.
- Зато я никогда не делал зла ни одной живой душе!

Один монах сказал старцу:

- Отче, я слышал, что брат, который жил вместе с тобой, умер. Могу я занять его место?
- Да, - отвечал старец. - Но ты как будто гораздо крупнее него. Не знаю, поместишься ли ты в его склепе?

Один молодой человек пришел к авве Арсению за советом.

- Я хочу быть врачом, отче, но я еще не знаю, стану я учиться врачевать глаза, или же зубы. Старец ему сказал:
- Заниматься медициной - всегда дело доброе. Но не забывай, однако, что глаз у человека всего два, а вот зубов...

У аввы Макария была собака, которая повсюду за ним следовала. Однажды, когда он шел по пустыне, ему встретился крестьянин и сказал:

- Отче, сегодня твоя собака съела одну из моих кур.
- Хорошо, что ты мне это сказал, - отвечал старец. - Сегодня я больше не буду ее кормить.

Врач Фотион в Александрии слушал большое сердце пожилого аввы Филофора.

- Отче, - спросил Фотион, - ты уже советовался с кем-нибудь, прежде чем прийти ко мне?
- Да, с аптекарем Исидором.
- И какой же дурацкий совет он тебе дал?
- Пойти посоветоваться с тобой.

- Как! Авва Памбо умер? Но ведь врач приходил к нему всего только раз...

- Как видно, брат, ты не в курсе последних достижений медицины...

Авва Макарий предупреждал своих монахов, чтобы они никогда не принимали лекарств: «Если вы станете принимать порошки от простуды, вам придется потом глотать пилюли от болей в желудке, вызванных порошками, а затем вам понадобятся мази от волдырей, вызванных пилюлями, а потом успокоительное от ожогов, причиненных мазями, а затем...»

Авва Макарий умер в возрасте 120 лет, под дубом, на закате солнца...

В монастыре Габала новый игумен установил порядок, при котором послушникам следовало мыться один раз в месяц. Старец Ермон, узнав об этом, сказал:

- В мое время послушники не были такие грязные!

Авва Серапион Скитский спал в своей хижине вместе с несколькими козами, курами и кроликами. Как-то один брат ему сказал:

- Отче, разве ты не знаешь, что когда спишь вместе с животными, легко заболеть?

- Вот уже сколько лет я так живу, и ни одно из моих животных не заболело! - отвечал старец.

Одному монаху, который постоянно жаловался, авва Макарий сказал: «Ты несчастен? А ты подумай, каково будет жирафу, если у него заболит горло, или сороконожке, если у нее появятся мозоли!»

Авва Серапион, не покидавший своей кельи, дал как-то пришедшему к нему мальчику монетку.

- Пойди, подай милостыню первому же бедному старику, которого встретишь.

Через некоторое время мальчик вернулся.

- Я сделал, как ты сказал. Я дал монету старику.

- А он действительно был беден?

- Еще бы! Он был вынужден продавать свои финики и сласти!

Путешествуя в Смирну, авва Каликст сбился с пути. И вот, когда он брел в полном одиночестве, внезапно показался путник. Авва Каликст весьма этому обрадовался.

- Прости меня, брат! - воскликнул он. - Знаешь ли ты дорогу в Смирну?

- Каждый осел ее знает! - грубо отвечал прохожий.

- Потому-то я у тебя и спрашиваю!

«На этом я свое письмо заканчиваю, - писал как-то авва Даниил одному брату, - ибо ноги мои так замерзли, что я не могу больше держать перо в руке».

Один старец писал: «Ничто так не раздражает братьев в монастыре, как бездеятельный настоятель. Но ничто так не беспокоит их, как настоятель, готовый принять решение».

Один старец, проведя много лет в пустыне, решил удалиться в горы. Долгие месяцы он шел, пока наконец не оказался у подножия обширного горного хребта. Углубившись в ущелье, он встретил там пастуха. Тот, глядя, как старец растерянно озирается вокруг, спросил его:

- Что, отче, тебе не нравится эта местность?

- Не знаю... Лучше бы здесь не было всех этих гор, закрывающих горизонт.

«Когда один из нас умрет, - сказал один монах своему собрату по келье, - я вернусь в Скитский монастырь».

Один старец сказал по поводу женщин: «Я помню, что прежде женщины, смущаясь, краснели. А теперь они смущаются, если покраснеют».

- Отче, - спросил молодой монах великого Арсения, - почему ты позволяешь всем мирским новостям проникать в монастырь?

- Это лучшее средство, чтобы у братьев не возникло желания туда возвратиться, - отвечал старец.

Одного скитского монаха привели на суд за то, что он убил вилами собаку.

- Так-то ты, брат, являешь собой пример кротости и смирения? - упрекнул его судья. - И потом, разве ты не мог ударить эту собаку рукоятью, а не зубьями?

- Я бы так и сделал, - отвечал монах, - если бы собака пыталась укусить меня хвостом, а не зубами!

ЧАСТЬ VII

«Леность погружает в сонливость..» (Притч 19, 15)

Старец удил рыбу на берегу моря. К нему подошел прохожий и спросил:

- Много ли рыбы ты поймал, отче?

- Если я выужу ту, которая сейчас клюет, а потом еще две, то всего будет три.

Старец упрекал молодого монаха:

- В твоем возрасте я работал по десять часов в день, а еще десять проводил в молитве.

Молодой монах отвечал:

- Я восхищаюсь твоим юношеским рвением, отче, но еще больше меня восхищает твоя зрелость, благодаря которой ты оставил эти крайности.

Двое старцев из Скитской пустыни после долгих месяцев молчания разговорились как-то по поводу одного молодого монаха, который был исключительно ленив.

- Он мне напоминает петуха, который был у меня когда-то, - сказал первый. - Этот петух был до того ленив, что никогда не пел на заре, а ждал, когда запоет другой петух, и тогда склонял голову в знак согласия.

- А мне он напоминает одну собаку, - сказал второй. - Она была до того ленива, что ее блохам приходилось самим себя вычесывать.

Настоятель Нитрийского монастыря написал настоятелю монастыря в Египте: «Брат по имени Евлалий, который прежде был у тебя, поселился у нас в монастыре. Сообщи мне, прошу тебя, устойчивого ли он склада?»

Ответ был очень кратким: «Полностью неподвижен».

Один монах из Скитской пустыни, осаждаемый демоном уныния, пришел к авве Серафиму. Старец, видя его состояние, сказал:

- Прежде всего, брат, оставь всякое смятение; растянись на этой циновке и расслабь все свои члены. А затем скажи мне совершенно откровенно все, абсолютно все, что ты видишь в твоём унынии.

- Прежде всего, отче, я вижу, что потолок твоей кельи поистине нуждается в побелке.

Один старец как-то спрашивает другого:

- Брат, кто это разговаривает с аввой Филимоном в его келье?

- Не знаю, брат, но судя по голосу, это какое-то новое лицо!

Отцы-пустынники работали много, но порой и среди них встречались лентяи. Так однажды великий Даниил сказал праздному монаху:

- Прошу тебя, брат, если увидишь кого отдыхающим, помоги хоть ему...

Отцы-пустынники очень любили славить Бога гимнами и псалмами. Авва Илларион как-то сказал об одном монахе: «Голос у него до того сладостный, что на него слетаются мухи».

Одного старца как-то спросили:

- Почему это, отче, всякий раз, когда брат, живущий с тобою в келье, принимается петь псалмы, ты высовываешься в окно?
- Чтобы никто не подумал, что я его истязую!

Авва Серапион привел как-то молодого монаха на берег Красного моря собирать целебные травы.

- В этих местах, - сказал он, - росла некогда чудодейственная трава. С ее помощью авва Филарет составил эликсир долголетия.
- Авва Филарет? - спросил монах. - Я никогда о нем не слышал.
- Не удивительно, ведь он умер, когда ему едва исполнилось двадцать восемь лет!

Один монах был постоянно озабочен разными проблемами. Авва Памбо как-то при встрече сказал ему: «Брат, у тебя так много проблем, потому что ты думаешь, будто бы жизнь состоит из вопросов и ответов. Но исходя из того немногого, что я о ней понял, жизнь состоит из множества ответов без вопросов и вопросов без ответов. Выходит, в твоей жизни должно быть множество бесполезных вопросов».

Один молодой монах как-то спросил авву Макария:

- Я знаю, что многие говорят о тебе плохо. Почему ты никак не реагируешь?
- Потому что, если бы те, кто говорит обо мне плохо, знали, что я о них думаю, они бы говорили гораздо хуже, - отвечал старец.

Один торговец из Антиохии пришел к авве Сысою.

- Отче, мне кажется, что я поступил несправедливо...
- Тебе кажется или ты уверен? - перебил его старец. - Расскажи все поподробнее.
- Я продал два плуга крестьянину, у которого только один вол. А поскольку денег у него не было, я взял в уплату вола.

Молодой монах спросил старца:

- Отче, нужно ли быть осторожным?
- Очень нужно, но еще нужнее, чтобы наша осторожность не превращалась в страх, который крадется на цыпочках.

Авва Илларион явился как-то раз в Александрию к одному вельможе с серьезными упреками. Стражники, однако, его не пропустили. Тогда авва Илларион поднял такой крик, что в конце концов к нему вышел мажордом.

- Наш хозяин не может тебя принять, - сказал он. - Он сейчас в ванне.
- Так в чем же дело? - воскликнул монах. - Я умею плавать!

Ожидая визита епископа, авва Макарий отправился на рынок в соседнюю деревню. Там он недовольно разглядывал лежащих на прилавке худосочных цыплят, когда торговец подошел к нему и зашептал на ухо:

- Покупай, покупай, отче! Поверь мне, эти цыплята прибывают сюда каждый день из Александрии.
- Охотно верю, брат. Только зря ты заставляешь их проделывать такой путь пешком.

Видя, как мало плодов принесло ему ученье в молодые годы в Александрии, авва Гермес сказал: «Если бы я родился во второй раз, я бы стал учиться тому, как бы снова стать невежественным».

Один монах пришел пожаловаться старцу.

- Отче, - сказал он, - в этом монастыре никто, поистине никто не обращает на меня внимания!..

- Прости меня, брат, я думал о другом... Так что ты говоришь?

- Отче, - спросил как-то один брат великого старца Антония, - почему ты не отвергаешь хвалы, которые тебе воспевают?

Отец монашества отвечал:

- Потому что мы отвергаем хвалы не из смирения, а чтобы получать их вдвойне.

Тот же Антоний однажды сказал: «Люди делятся на три категории: завистников, гордецов и прочих... Но я почти не встречал прочих».

У аввы Сысои было множество книг в келье и много мудрости в сердце. Как-то один молодой монах спросил его:

- Отче, очень ли трудно читать?

- Читать - это пустяки, - отвечал старец. - Трудно забывать прочитанное.

Когда великий Антоний был на пороге смерти, он услышал, как один из братьев сказал о нем:

- Он был столь же велик, как Моисей!

Тогда он приоткрыл один глаз и произнес:

- Как ты далек от истины, брат! Ведь Бог не спросит меня на том свете: «Почему ты не был как Моисей?», но: «Почему ты не был Антонием?»

Один торговец, друживший со старцем из Келиотской пустыни, пришел однажды навестить святого человека, и старец спросил его, как дела.

- За последние дни ко мне два раза обратился один из самых могущественных людей в Антиохии, - сообщил торговец.

- Я очень рад! - сказал старец. - Важные заказы?

- Суди сам, отче! В первый раз это было: «Убирайся с глаз моих долой!», а во второй: «Немедленно вон из Антиохии!»

Молодой монах, живший в Келиотской пустыне, примчался, с трудом переводя дух, к авве Серапиону.

- Что я пережил, отче! - воскликнул он. - Я увидел на земле сухую ветку и решил, что это змея...

- И из-за этого пустяка ты так разволновался? - спросил старец.

- Я разволновался, когда взял ветку в руку, а это оказалась и вправду змея...

Одному мирскому человеку, известному лгуну, авва Илларион сказал: «Прошу тебя, брат, хотя бы со мной не говори, имея во рту два языка!»

Авва Памбо однажды сказал: «Все тем немногим, что я знаю, я обязан своему невежеству».

Однажды в Келиях перед великим Иоанном предстал мирской человек, который хотел стать монахом.

- Почему ты хочешь стать монахом? - спросил его великий старец.

- Потому что я много страдал.

- Войди тогда в мою келью и расскажи мне все.

Человек вошел, но вскоре вышел и поспешно удалился.

- Этот человек, - сказал великий Иоанн, - не может стать ни монахом, ни, может быть, даже человеком. Он из тех, которые воображают, что они много страдали, потому что причинили много страданий.

Авва Ираклий и авва Агафон были самыми почитаемыми из старцев в монастыре на берегу Красного моря. Однажды они отправились ловить рыбу в этом опасном море, чтобы добыть пищу для братии. Вечером авва Ираклий вернулся с огромной рыбиной на плечах.

- Какая громадная рыбина, отче! - закричали обрадованные монахи.

- Довольно большая, - отвечал старец. - Но та, которая проглотила авву Агафона, была гораздо больше!

ЧАСТЬ VIII

«Надеющийся на богатство свое упадет. ...» (Притч 11, 28)

Один богатый человек, прожигатель жизни, оказался как-то вечером в деревне, где находился монастырь великого Даниила. Увидев старца и не узнав в нем монаха, он велел своим носильщикам остановиться и спросил у него в полголоса:

- Скажи-ка, есть ли здесь ночная жизнь?

- Нет, - отвечал старец, - она уже давно отправилась в Антиохию.

Один монах, который слишком долго загостился у аввы Памбо, сказал ему на прощанье:

- Позволь мне, отче, сделать одно замечание: для такого старца, как ты, пальмы, что растут у твоей хижины, слишком коротки.

Авва Памбо отвечал:

- Уверяю тебя, брат, что до твоего возвращения сюда они очень и очень вырастут.

Один брат впал, причем не в первый раз, в грех блудодеяния. Он рассказал об этом авве Исайи. Но сокрушался он, похоже, очень мало, так что даже заявил:

- В конце концов, авва, человеку ведь свойственно грешить!

- Так-то оно так, - отвечал старец, - но если стерка изнашивается быстрее карандаша, значит, кто-то впадает в крайность...

Когда авву Помена попросили поговорить о молитве, он сказал: «Никто не может говорить о молитве, если он не молится. Если же он молится, у него нет ни малейшего желания об этом говорить».

Один святой старец сказал: «Я не умею молиться. Я только благодарю Бога».

По поводу добродетелей блаженный Иоанн сказал: «Добродетель, которая никогда не знала искушений - не добродетель, а только набросок добродетели».

- Я не искренен, - сказал один монах старцу.

- И до какой степени? - осведомился старец.

- До такой, что я не искренен даже когда говорю, что не искренен.

Один монах пришел к старцу, жившему на берегу Красного моря. Тихонько постучавшись в дверь его хижины, он был напуган страшным лаем собаки. В то же время он услышал голос старца:

- Входи же, брат!

- А собака?..

- Ты разве не знаешь поговорки: лающая собака не укусит?

- Я-то знаю, но вот знает ли ее собака?

- Я хотел бы следовать за тобой в святости, - сказал один монах великому Иоанну. А тот ответил:

- Заметь, что я предпочел бы, чтобы меня превзошли, а не за мною следовали...

- Сегодня все так делают, - сказал молодой монах старцу по поводу какого-то обычая.

- Все пороки, когда они в моде, принимаются за добродетели, - отвечал старец.

Чтобы решить спор, возникший как-то в монастыре в Келиях, один монах отправился за советом к авве Даниилу:

- Я хочу быть беспристрастным, авва, - сказал он.

- Стань беспристрастным, и ты тотчас же станешь подозрительным, - отвечал старец.

Один весьма требовательный епископ прибыл как-то с визитом в монастырь в Фиваиде. Когда его пригласили к трапезе, он сказал:

- Мне довольно будет двух яиц, но изжаренных на камне, а не на противне, нежных, не пережаренных, хорошо посоленных, но без перца, сдобренных четвертью ложки масла, а главное - очень горячих.

Брат-кухарь поклонился и сказал:

- Все будет сделано по твоему желанию, владыко. Курицу, которая снесла эти яйца, зовут Сизина. Ее имя тебя устраивает?

Один скитский брат спросил великого Афанасия:

- Со мной все еще случается, что я уступаю то одной страсти, то другой. Что ты об этом думаешь?

- Я думаю, - отвечал блаженный Афанасий, - что тот, кто хочет быть собакой, всегда найдет поводок.

- Отче, какое у меня лицо? - спросил один монах у аввы Палладия.

- Твоё, - отвечал старец. - А почему ты спрашиваешь?

- Потому что у многих чьи угодно лица, только не их собственные!

Великий Антоний так говорил о смирении: «Принижая себя на десять сантиметров, возвышаешься на сотню».

Однажды авва Симеон сказал: «Ущипни самого себя, и узнаешь, что чувствуют другие».

Авва Илларион как-то сказал: «Быть грустным - это значит все время думать о самом себе».

Молодому монаху, который хотел удалиться в затвор на всю жизнь, авва Макарий сказал: «Не торопись возводить стену, прежде чем окончательно не уяснишь себе, что ты собираешься поместить внутри нее, и что снаружи».

Один скитский брат был охвачен унынием. Он сказал блаженному Павлу:

- Отче, я больше не вижу никакой красоты в том, что мы делаем в монастыре.

Блаженный Павел подумал, а потом сказал:

- Брат, размышляй в течение месяца над следующим: радуга на небе была бы куда прекраснее, если бы это зрелище не доставалось нам даром.

И к концу месяца брат исцелился, ибо порой на это требуется время...

В одном монастыре на берегу Красного моря жизнь уже давно текла монотонно, бесцветно, вяло. Наконец однажды настоятель, наблюдая за жизнью муравьев, увидел, с какой изобретательностью те добывают себе припасы. И вот томившее его уныние исчезло; он созвал монахов и сказал им: «Братья, нам нужно придумать что-нибудь новое для нашей жизни. Ибо если христиане утратят изобретательность, мир умрет».

Один святой отшельник из Нитрийской пустыни на вопрос путника, счастлив ли он, ответил, что у него совсем нет времени над этим задуматься.

- Мир настолько плох, - сказал один монах старцу, - что порой я и сам кажусь себе плохим...

- Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива, - отвечал старец.

Один Келийский старец сказал: «Человек придумывает правила для других и исключения для самого себя».

Однажды авва Сысой сказал: «Беда, если вера запаздывает хотя бы на один час».

Один молодой монах спросил авву Палладия:

- Находишь ли ты, что я достаточно хорош? Старец ответил:

- Нужно быть немного слишком хорошим, чтобы быть хорошим достаточно.

- Должны ли люди быть благодарны за то, что мы для них делаем? - спросили раз монахи авву Макария.

- Вовсе нет, - отвечал старец. - Дайте слепому глаза, и он тотчас потребует бровей.

- Почему так много неблагодарных людей? - спросили у аввы Сысои.

- Потому что после обеда никто не ценит ложки, - отвечал старец.

Об одном мирском человеке, который постоянно досаждал авве Макарию множеством разных глупостей, старец сказал: «Никогда его присутствие не сравнится с его отсутствием».

Один из отцов Скитской пустыни, хотя и был очень усерден в молитвах, все-таки очень боялся смерти. Как-то он обратился за советом к старцу, и тот ему сказал:

- Так ли уж велика разница между смертью и нужником?.. Если уж нужно туда идти, нужно идти!

ЧАСТЬ IX

«Мудрый входит в город сильных...» (Притч 21, 22)

Монаху, который постоянно жаловался на свою жизнь, авва Виссарион сказал:

«Послушай, может быть, это твоя жизнь тобою недовольна? Жизни нравится быть с тем, кому она доставляет удовольствие...»

Авва Гиперихиос сделался монахом после того, как провел свою молодость в политических кругах Александрии. Укрывшись в пустыне, он так отвечал на вопрос, почему он столь мало уважает правителей края: «Потому что я их знаю. Все их обещания превращаются потом в налоги...»

Желая утешить молодого монаха, удрученного собственным уродством, один старец сказал: «Уродство имеет великое преимущество перед красотой: оно постоянно!»

Когда авву Памбо спросили, почему он так решительно избегает даже смотреть на деньги, тот отвечал: «Потому что деньги могут видеть и слепые!»

Один старец высказал такую истину: «Как много людей знают все, но не понимают ничего! И как мало, напротив, таких, которые не знают ничего, но понимают все!»

Филарет, очень скупой александрийский богач, провел однажды целый день перед хижиной аввы Сильвана. Увидев его, старец вышел на порог и сказал: «Филарет, почему ты так упрямо живешь в бедности, чтобы умереть в богатстве?»

Один старец, чтобы весело отпраздновать свой восемьдесят второй день рождения, решил поесть бычьего языка. Но потом он задумался: «Стоит ли есть нечто, находившееся во рту животного?.. Более разумно, я думаю, будет сделать себе яичницу из двух яиц!»

Молодому монаху, который откладывал со дня на день тяжелую работу, старец сказал: «Тот, кто хочет работать, находит средства; а кто не хочет, находит оправдания».

Один старец провел всю свою жизнь отшельником на горе Нектос среди вечных снегов и ледников, и всегда очень страдал от холода. Совершенно окоченевший, он явился наконец в рай. Ему навстречу вышел св. Петр:

- Друг, - сказал он, - ты вел поистине святую жизнь! Добро пожаловать.

Счастливый старец вошел в рай. Но несколько дней спустя он сказал св. Петру:

- О великий князь апостолов, я должен признаться, что здесь, в раю, среди облаков и звезд, я испытываю ужасный холод. ..

- Если хочешь, брат, я могу отправить тебя в чистилище, там, несомненно, потеплее.

Так и сделали. Но и в чистилище старец, не переставая стучал зубами.

- Мне бы хотелось отправиться с ад, - сказал он св. Петру. - Это единственное место, где я наконец смогу согреться.

Св. Петр, зная святость старца, не смог ему отказать. На следующий день он сам спустился в ад, чтобы узнать, не передумал ли его друг-монах. Но едва только он приоткрыл дверь ада, как раздался знакомый голос:

- Закройте, сквозит!

Один из сильных мира сего явился как-то в Скитскую пустыню, чтобы посоветоваться со старцем, который имел дар пророчества. Поглядев на него; старец сказал: «Я ничего с тебя не возьму за то, что расскажу тебе о твоём будущем, но тебе придется построить церковь для нашего монастыря, если не хочешь, чтобы все узнали о твоём прошлом».

Тот же старец сказал как-то одному мирскому человеку:

- Ближайшие пять лет у тебя будет очень тяжелая жизнь.

- А потом? - спросил тот, трепеща.

- А потом ты привыкнешь.

Старец заметил у себя в келье какой-то шарик.

- Откуда он взялся? - спросил он келейника.

- Он был потерян, а я его нашел, - отвечал тот.

- А как ты узнал, что он был потерян?

- Я видел парня, который его искал добрых полчаса...

Один монах спросил старца:

- Как можно узнать о том, являюсь ли я мудрым, разумным и добродетельным?

- Знать, что следует делать - это мудрость. Знать, как это делать - разум. А делать - добродетель.

Молодой монах спрашивает авву Даниила:

- Скажи мне, добрый отче, почему у меня так много сладострастных мечтаний?
- Мечты кошки полны мышей, - отвечал авва Даниил.

Один молодой парень спросил как-то старца:

- Как по-твоему, отче, я хороший?
- С таким парнем, как ты, я бы, пожалуй, не позволил тебе водиться... - отвечал старец.

Один старец шел по пустыне, погружившись в размышление, и неожиданно свалился в глубокий овраг. Монахи, найдя его, решили, что он умер, и отнесли его в кладбищенскую часовню. Каково же было их изумление, когда старец пришел в себя!

- А мы сочли тебя мертвым, брат! - воскликнули они хором.
- А вот я, напротив, знал, что я не умер, - спокойно отвечал старец.
- Откуда же ты знал, что ты не умер, если ты не подавал никаких признаков жизни?
- Я испытывал голод и у меня мерзли ноги.
- Ну и что?
- И я подумал: если я умер, то должен находиться или в раю, или в аду. Но если я в раю, я не могу быть голоден, а если в аду, у меня не могут мерзнуть ноги!

Один старец из Скитской пустыни делил келью с монахом, который доставлял ему множество огорчений. Как-то утром старец сказал:

- Сегодня ночью, брат, мне приснилось, что я нахожусь в раю.
- А я тоже там был? - спросил монах.
- Нет. Потому-то я и был уверен, что нахожусь в раю.

Одному человеку, который часто богохульствовал, авва Сысой как-то сказал: «Если ты в гневе плюешь на небеса, плевок всегда падает тебе на голову!»

Священнику, который собирался произнести свою первую проповедь, старец сказал: «Запомни, брат, проповедь никогда не будет совсем уж плохой, если слушатели найдут ее короче, чем они ожидали...»

Монаху, который плохо отзывался об одном брате, великий Иоанн сказал: «Прежде, чем смеяться над кем-либо, примерь сперва его башмаки!»

Авва Серапион рассказывал братьям историю о том, как один старец из Нитрийской пустыни прибыл в рай и был весьма изумлен пышными приготовлениями к торжественному празднеству.

- Я недостоин такого приема! - сказал он св. Петру.
- По правде говоря, - отвечал св. Петр, - этот прием не для тебя. Мы готовимся ко встрече одного епископа.
- Понимаю, - сказал старец, - это вопрос иерархии...
- Это вопрос редкости! - возразил св. Петр. - Монахов здесь тысячи, а вот епископы к нам попадают чрезвычайно редко...

Один брат пришел к авве Сысою.

- Я так доволен! - сказал он. - Здоровье у меня прекрасное, душа моя в радости, а сердце счастливо! Старец ему заметил:

- Бывают мгновения, когда все получается, и дует попутный ветер. Не стоит на них полагаться, они быстро проходят...

Молодому монаху, который говорил, что хочет следовать своим наклонностям, авва Илларион сказал: «Хорошо следовать своим природным наклонностям, если они влекут нас к небу!»

Одному монаху, который испытывал трудности от жизни в уединении, великий Даниил сказал: «Стань другом самому себе, и сможешь жить один!»

Однажды великий Иоанн сказал своим монахам: «Говорить "я не жалуюсь" - это самый невыносимый способ жаловаться».

Великий Арсений говорил, что гнев - всегда плохой советчик. Как-то один старец разгневался на своего молодого собрата по келье и воскликнул:

- Ты что, старший в этой келье?

- Нет, отче!

- Тогда не говори глупостей!

Один монах сказал старцу:

- Не всегда легко знать, в чем состоит твой долг.

- Напротив, это очень легко, - отвечал старец. - Это то, чего меньше всего хочется делать.

Один старец постоянно жаловался на то, что хорошие времена прошли. Авва Сирахид ему сказал: «Времена всегда хороши, когда пройдут».

В Келиотской пустыне жили два монаха. Один был весьма трудолюбив, другой же предпочитал праздность. Как-то первый сказал второму:

- Работа, брат, составляет усладу жизни.

- Но сладость не всем по вкусу, - отвечал тот.

Когда один мирской человек спросил авву Макария, почему тот многие месяцы хранил молчание, авва отвечал: «В закрытый рот не залетают мухи».

А когда тот стал настаивать на разъяснении, авва Макарий сказал: «Если ты ничего не говоришь, тебя не просят повторить».

ЧАСТЬ X

«... ешь с весельем хлеб твой...» (Екк 9, 7)

Один монах пришел как-то поговорить с аввой Лонгином. Он начал свою речь так:

- Отче, мой опыт... Старец его перебил:

- Слишком часто опыт - синоним наших ошибок...

Один разбойник из пустыни пришел умирать к воротам Скитского монастыря.

- Бог меня простит, - сказал он вышедшему к нему монаху.

- Почему ты в этом так уверен? - спросил тот.

- Потому что это Его профессия...

Один монах оплакивал грех сладострастия, как вдруг услышал голос: «Это случилось с тобой потому, что ты поставил корову стеречь траву на лужайке».

Один мирской человек пришел к авве Макарию. Келейник старца сказал ему:

- Я очень огорчен, брат, но сегодня авва Макарий занят и не сможет говорить с тобой.
- Не беспокойся, брат, что до меня, то я не оставлю ему ни малейшей возможности говорить!

Александрийский вельможа, большой друг аввы Иллариона, пришел как-то к нему и сказал:

- Ты знаешь, отче, что я сейчас переживаю весьма успешный период в моей жизни. Но удовлетворения мне это не приносит. Напротив того, мне очень трудно быть любезным и милостивым с теми, с кем встречаюсь, а ведь их множество...
- Никогда не забывай, - сказал старец, - что те же люди, с которыми ты встречаешься в период успеха, встретятся тебе и во время неудач.

Прохожий монах оказался в трапезной монастыря на берегу Красного моря. Усевшись за стол со своей похлебкой, он стал производить невероятный шум. Один из братии монастыря подошел к нему и сказал:

- Брат, могу ли я помочь тебе чем-нибудь?
- Но мне вовсе не нужна помощь! - отвечал монах.
- Прости меня, - сказал старец, - но ты производишь такой шум, что мне показалось, что ты тонешь.

Молодой монах, поселившийся в Кельях, пишет письмо своей семье: «Я нашел место, идеальное для тех, кто, подобно мне, ищет уединения. Их тут целые тысячи...»

Другой антиохийский стражник спросил как-то старца, входившего в ворота с огромным бурдюком на плечах:

- Вино, водка, сидр?
- Спасибо, - отвечал старец, - я не пью по утрам.

Один старец говорит другому:

- Я заметил, что твоя собака машет хвостом не влево-вправо, как все собаки, а вверх-вниз. С чего бы это, брат?
- А ты не видел, какая у меня узкая келья? - отвечал тот.

Двое монахов, Памбо и Памбон, жили вместе в Скитской пустыне. Неподалеку от них жили два других монаха, Иллариий и Илларион. Однажды авва Памбо пришел к авве Илларию за советом.

- Отче, - сказал он, - авва Памбон и я живем вместе в пустыне уже многие годы. Долгие молитвы, бдения, посты отягощают порой наш разум настолько, что мы уже почти не понимаем друг друга. А как тебе удастся решать эти проблемы с твоим сотоварищем? Авва Иллариий отвечал:

- Я возбуждаю его разум посредством загадок; сейчас покажу тебе, как это делается.

И авва Иллариий позвал авву Иллариона.

- Илларион, - сказал он, - кто племянник сестры сына твоей бабушки?
- Это я, - немедленно отвечал Илларион.

Авва Памбо восхитился, поблагодарил авву Илларию за совет и вернулся к себе. Там он сразу же позвал авву Памбона и спросил:

- Брат, кто племянник сестры сына твоей бабушки?

Авва Памбон растерялся, задумался и, как всегда, занервничал:

- Это трудный вопрос, отче, - сказал он.
- Все нет, - отвечал авва Памбо. - Племянник сестры сына твоей бабушки - авва Илларион!

Некий старец написал как-то письмо одному брату. Запечатав свиток воском, он вспомнил о чем-то, распечатал его и добавил следующие слова: «Если ты не получишь этого письма, пожалуйста, сообщи мне об этом!»

Однажды авва Феокрита пригласил к себе, чтобы показать свой сад, очень богатый мирской человек.

- Видишь эти кусты, авва? Я получил их из Антипалеи, и каждый из них мне обошелся в триста динариев... А эти великолепные деревья... они из Аттики. Я заплатил за каждое по три тысячи динариев. А посмотри на эти редкостные цветы в сосудах, они стоят тридцать тысяч динариев каждый.

Тут старец его прервал и сказал:

- Я спрашиваю себя, какие удивительные вещи сделал бы Господь Бог при сотворении мира, будь у Него столько же денег, сколько у тебя!

Несколько старцев обсуждали вред, причиняемый вином. Авва Арсений по этому поводу сказал: «Самый большой вред бывает для того, кто пьет, чтобы забыться. Ибо ему грозит забыть момент, когда бы следовало прекратить пить.

Один монах нашел в пещере на берегу Красного моря свиток папируса, на котором его предшественник вел дневник. Среди прочего там было написано: «Понедельник: привести свои мысли в порядок... Вторник: посетить епископа... Среда: восстановить порядок в своих мыслях.

Один монах сказал старцу:

- Я слышал, что авва Филомен, которому уже больше восьмидесяти лет, решил написать воспоминания о своей жизни. Что ты об этом думаешь?

- Я думаю, что писать воспоминания о себе - это прекрасное средство говорить правду о других.

Один старец спрашивает у другого:

- Как по-твоему, брат, чему лучше следовать, разуму или сердцу?

- Сердцу, - отвечает тот.

- А на каком основании?

- На том простом основании, что сердце указывает нам наш долг, а разум предоставляет поводы отлынивать от его исполнения.

Несколько мирских людей пришли к авве Сысою.

- Мы тут проходили мимо... - начали они, и надолго замолкли.

Так ничего и не выговорив, они решили наконец удалиться, и старец на прощание им сказал:

- В следующий раз, когда будете проходить мимо, то проходите, проходите...

Монаху, который слишком восхвалял одного старца, авва Макарий сказал: «Послушай, брат, часто мы восхваляем других в меру того почета, который нам из-за них достается».

Авва Евстазий был не только великим человеком Божиим, но также очень талантливым травником. Каждый год в лаборатории возле своей кельи он с гениальной изобретательностью составлял огромное количество все новых и новых великолепных лекарств. Но вот однажды он неожиданно бросил свою работу. Авва Макарий спросил у него:

- Брат, почему ты перестал придумывать новые лекарства?

Евстазий ответил:

- Я их и так сделал слишком много. Врачи не успевают придумывать новые болезни.

Один молодой монах постоянно опаздывал на десять минут на вечерню. Однажды он опоздал всего на пять минут, и старец сказал ему: «Поздравляю тебя, брат! Впервые ты опаздываешь с таким опережением».

Авва Реденций жил в монастыре на берегу Красного моря. Он был самым умелым рыбаком во всей общине, для которой доставлял пропитание. В том же монастыре жил знаменитый астролог, который посвящал все свое внимание звездам. Однажды авва Реденций не вышел на рыбную ловлю. Не вышел он и на следующий день, и на следующий... Встревоженные монахи стали спрашивать его:

- Отче, почему ты не выходишь в эти дни на рыбную ловлю?

- Потому что в гороскопе на эти дни говорится, что они исключительно благоприятны для Рыб...

Один монах так сильно боялся старости, что старался никогда не упоминать о своем возрасте. Как-то раз он встретил другого монаха и спросил его:

- Сколько тебе лет, брат, что у тебя такие седые волосы?

- Мне пятьдесят лет.

- Пятьдесят лет? Что за ужасный возраст! При одной мысли о нем меня дрожь пробирает!

- Почему, брат? У тебя о нем остались такие плохие воспоминания?

Одному монаху, который обвинял себя в великом множестве мелких упущений, великий Иоанн сказал: «Обычное дело - обвинять себя в маленьких упущениях, чтобы убедить себя в том, что нет больших».

Молодой монах пришел к великому Иоанну.

- Отче, - сказал он, - многие поют нам хвалу. Какой совет ты дал бы мне по этому поводу?

- Вот какой, - отвечал старец. - Когда кто-то лижет тебе пятки, останови его, пока он не стал тебя кусать.

Один образованный монах, выходец из Антиохийской школы, спросил как-то авву Симеона:

- Отче, как ты думаешь, что такое реальность?

- Это прекрасная вещь, и была бы очень простой, если бы люди не взяли себе в голову объяснять, что это такое.

Одному монаху, который хотел писать книгу, старец сказал: «Запомни, бумага все стерпит, а вот читатель - нет».

Молодой монах сказал старцу:

- Ты знаешь, отче, что в Александрии я занимался политикой, и что в пустыню я пришел, чтобы забыть о ней. И все-таки, мне до сих пор любопытно, почему политики столь уклончивы?

- Потому, - отвечал старец, - что их мудрость состоит в том, чтобы не отвечать на вопросы, а искусство в том, чтобы не позволять себе их задавать.

Молодому монаху, который очень боялся страданий, авва Даниил сказал: «Кто боится страданий, страдает уже от самого страха!»

Молодой монах сказал старцу:

- Как трудно, отче, любить ближнего!

- Действительно! Мы получили повеление возлюбить ближнего как самого себя, а ближний делает все, чтобы мы не послушались.

Однажды молодой монах спросил у старца:

- Отче, что такое гордыня?

- Гордыня - это когда думают: «Доказывать, что я прав, означало бы допустить, что я могу и ошибиться».

Авва Серапион был весьма обширного телосложения. Заметив как-то, что один старец внимательно его разглядывает, он спросил:

- Почему ты так смотришь на меня, брат?

- Я думаю о том, что дубу требуется двести лет, чтобы достичь такого же обхвата, - отвечал старец.

